

В самолёте, возвращающемся в его родной город в полдень Чжоу Цзихэн первоначально думал вернуться в квартиру, чтобы пораньше забрать Ся Сицина и отправиться с ним в аэропорт, но Цзян Инь могла видеть это до конца, и он был ошеломлён, что не позволил ему уйти.

— Теперь, когда общественное мнение только что на некоторое время успокоилось, ты можешь избегать подозрений до тех пор, пока ты можешь избегать подозрений.

Лицо Чжоу Цзихэна внезапно вытянулось.

Чтобы избежать каких-либо подозрений, но он хотел, чтобы все в мире знали, что он был очень близок с Ся Сицином, и он хотел, чтобы любой, кто видел Ся Сицина, подумал о нём, как только увидел.

Но, в конце концов, Чжоу Цзихэн не мог вынести, когда Ся Сицина ругали, поэтому он неохотно согласился.

Ся Сицин не подписал контракт с компанией, но он не мог обойтись без помощника во время съемок. Цзян Инь позвонила и перевела опытного помощника-мужчину из компании, но Чжоу Цзихэн не согласился, поэтому ей пришлось сменить его на девушку.

— Ты знаешь, где сейчас живёт Сицин? Я дала Сяосяо адрес, и через некоторое время она поехала за Сицином.

Чжоу Цзихэн чуть не выпалил, когда услышал вопрос своей невестки, но внезапно подумал, что если бы он сказал это, это не было бы равносильно сообщению своей невестке, что он и Ся Сицин живут друг напротив друга. Хотя это просто совпадение, слишком легко вызвать плохие ассоциации.

Его нынешнее настроение - полностью спрятать уши и украсть колокольчик.

— Это... вы позволяете Ся Сицину ехать в аэропорт одному. За ним легко следит машина вашей компании. Затем забирайте его, на случай, если репортёр нацарапает, что вы подписали с ним контракт или что-то в этом роде.

Цзян Инь взглянула на него:

— Теперь ты беспокоишься о нём изо дня в день. В чём разница между тем, чтобы подписать с ним контракт? Он пока не может зарабатывать для меня деньги.

Чжоу Цзихэн всю дорогу упрямо хвалил свою невестку, Цзян Инь также сомневалась в возможности слов Чжоу Цзихэна, изменила своё предыдущее решение и позволила Сяосяо отправиться прямо в столичный аэропорт.

Группа, наконец, встретилась в аэропорту. машина Чжоу Цзихэна на некоторое время застряла на дороге, и он прибыл последним.

Когда он вошёл в зону ожидания, то увидел большую группу девушек, окружённых ими, которые кричали про брата Сицина одну за другой, что было чрезвычайно мило.

Изначально он хотел подойти тихо, но кто знал, что зоркие фанаты внезапно выдадут местонахождение Чжоу Цзихэна.

— Хэнхэн, твоя одежда сегодня выглядит хорошо, и твой серый свитер выглядит хорошо!

— Хэнхэн такой красивый!

— Чжоу Цзихэн, ты сегодня слишком Э, верно?

Чжоу Цзихэн кивал снова и снова, очень сожалел, что отказался от подарков от фанатов, и с трудом добрался до центра очередного водоворота. Ся Сицин, который сидел в кресле в окружении группы девушек, услышал движение и снял наушники. Он редко надевал повседневную одежду с чёрными короткими рукавами и завышенной талией.

С тёмно-серым комбинезоном и светло-серой бейсболкой на голове, он увидел в толпе лицо Чжоу Цзихэна, и только тогда на его нежном лице наконец появилась хитрая и игривая улыбка.

— О, я только что узнала, что Сицин и Цзихэн сегодня хорошо одеты.

— Да, они все чёрно-серые, пара нарядов!

Чжоу Цзихэн был немного удивлён. Он посмотрел на свой наряд: серый свитер, чёрные спортивные штаны и чёрную бейсболку. Всё это было небрежно взято из дома перед уходом. Он не ожидал, что это действительно соответствует Ся Сицину. Одно за другим. Это совпадение, такая ли связь в устах других людей?

Думая об этом таким образом, Чжоу Цзихэн почувствовал, что сегодня он был так красиво одет, насколько комфортно он выглядел.

Когда он собирался подняться на борт самолёта, вокруг было так много поклонников, что он не мог идти, боясь, что Ся Сицин упадёт. Чжоу Цзихэн стоял позади него и держал его за плечи обеими руками. Только тогда он понял, насколько тонкой была чёрная футболка на его теле. Талия, красивая и гладкая, она щекочет сердца людей.

— Цзихэн, ты можешь открыть на этот раз? - Спросил фанат из толпы.

— Открыть? - Чжоу Цзихэн посмотрел необъяснимо. — Что я открываю?

Группа фанатов засмеялась и сказала:

— Снимаюсь в фильме о любви!

Едва не задохнувшись от этих маленьких девочек, Чжоу Цзихэн опустил голову и несколько раз кашлянул.

Ся Сицин почувствовал, что руки на его плечах стали крепче. Он слегка улыбнулся и объяснил окружающим его девушкам:

— На этот раз это не фильм о любви.

Среди фанатов один за другим последовали взрывы сожаления.

— Чувства этих двух людей довольно сложные, и моё понимание сценария превосходит дружбу.
- Ся Сицин повернул своё лицо и снова посмотрел на Чжоу Цзихэна. — Что ты думаешь.

Эти прекрасные глаза внезапно попали в поле зрения Чжоу Цзихэна, он был поражён и на секунду заколебался.

— Ах, да, я тоже так думаю.

Нет, это не просто дружба.

Это любовь.

Чжоу Цзихэн неоднократно подтверждал своё собственное суждение в своём сердце.

Время полета было недолгим, но на этот раз рядом с Чжоу Цзихэном был директор Кун Чэн, а предыдущим директором Куном был Ся Сицин. Он был всё тем же, закрывал глаза и засыпал, как только садился в самолёт.

Режиссёру Куну было что сказать Чжоу Цзихэну, и он воспользовался этой возможностью, чтобы поделиться с Чжоу Цзихэном некоторыми своими соображениями и пониманием фильма во время шлифовки сценария.

Но сердце Чжоу Цзихэна учащённо забилося при виде человека, сидящего по диагонали перед ним, а его глаза время от времени оглядывались и были почти приклеены к тонкой и белой части шеи Ся Сицина.

— Окончательная версия сценария на самом деле очень графична. Редактирование Сюя очень хорошее, что экономит мне много времени перед зеркалом. — Режиссёр Кун открыл фотоальбом на компьютере. — На прошлой неделе мы попросили съёмочную группу опередить время. Вы видите, мы взяли это.

Чжоу Цзихэн фыркнул, переводя взгляд со спины Ся Сицина в проёме сиденья на компьютер Кун Дао.

На фотографии показаны два ряда зданий, которые настолько высоки, что камера не может закончить съёмку. Окна очень маленькие, и повсюду незаконные постройки. Расстояние между зданиями составляет всего около полутора метров, образуя переулок с небольшим количеством света.

Фотография семьи Чжун разделена на две части. Ниже изображена тёмная и грязная дорога и побеленные изумрудно-зелёные стены, и половина её — это неприкасаемый небесный свет.

Кун Чэн заметил выражение лица Чжоу Цзихэна:

— Ты внезапно это почувствовал?

Оглядываясь назад, Чжоу Цзихэн кивнул:

— Да... это верно.

Это эта дорога. Гао Кун, который был загнан в угол на этой дороге, последовал за Цзян Туном, который был в растерянности, и сразу же прижал его к стене. Поверхность, окрашенная изумрудной краской, излучает глубокий блеск в тусклом свете.

— Это и есть вид на Ухань?

Чжоу Цзихэн не мог в это поверить. Он уже много раз бывал в этом городе из-за своего маршрута. Он был развитым и процветающим, который полностью отличался от того, что на фотографии.

— Да. — Кун Чэн кивнул. — Сюй Чжун определил место съёмок, когда писал этот сценарий. Я слышал, что Сюй Чжун из Уханя, так что он, возможно, лучше знаком с этим местом. Он сказал, что это городская деревня в Ухане. Сейчас такая сцена почти исчезла. Это редкость.

Сюй Чжань из Уханя.

Как и Ся Сицин.

Чжоу Цзихэн поднял глаза и увидел, что голова спящего Ся Сицина вот-вот повернётся к середине, он слегка кивнул и немного мило откинул её назад.

Когда он вернётся в свой родной город, чтобы сниматься, останутся ли у него в памяти какие-нибудь плохие воспоминания?

Он был слегка обеспокоен, но подумал о том, что Сюй Цичэнь сказал раньше.

Ся Сицин не мог бежать до конца своей жизни, он должен был встретиться лицом к лицу со своим прошлым.

Когда самолёт приземлился, Чжоу Цзихэн сразу почувствовал мощь бывшего города-«печки» в начале лета. Очевидно, была только середина мая, а здесь уже была сауна под открытым небом. Через два шага он почувствовал, что рукава его свитера вот-вот прилипнут к коже руки.

Вместе.

Влажная и знойная погода на юге действительно делает его настоящим северянином, который к этому не привык.

На Ся Сицина это не оказало особого эффекта. Он уже нутром приспособился к климату своего родного города, но по дороге плохо спал, и его шее было немного неудобно. Он повернул голову, чтобы попытаться облегчить этот симптом, слушая, как Чжоу Цзихэн и Кун Дао разговаривают и смеются позади него, так что он плохо спал.

В результате плохое настроение стало ещё хуже.

Кто знал, что в следующую секунду тёплая и сухая ладонь будет прижата к его затылку, слегка сдавливая его шею.

Ся Сицин повернул голову вбок и увидел, что лицо Чжоу Цзихэна всё ещё обращено к Кун Дао, но его рука мягко надавила на его шею.

Чжоу Цзихэн сказал:

— Режиссёр Кун, может быть, мы сначала поедem в отель или на место съёмки позже? А как насчёт остальных?

Кун Чэн улыбнулся и махнул рукой:

— Мы его еще не включили. - Его глаза посмотрели на Ся Сицина. — Сицин, чтобы ты

пораньше вошёл в роль, мы арендовали дом в Хуане. Именно там Цзян Тун будет жить после позднего запуска. Разве у тебя не будет периода совместного проживания? Сначала с Цзихэном. Остайся там на несколько дней, набирайся опыта и найди чувство.

В его улыбке было некоторое извинение:

— Условия могут быть очень трудными, и вам нужно к ним приспособиться.

— Всё в порядке. — Ся Сицин улыбнулся и похлопал Чжоу Цзихэна по руке, которая всё ещё висела у него на шее. — Я могу это очень хорошо вынести.

Как только они покинули аэропорт, их подобрала машина, заказанная Кун Дао. Водителем был местный старший брат, говоривший на хампу, что сделало Ся Сицина чрезвычайно добрым, восторженным и разговорчивым.

Сяо Ло и Сяосяо взяли свой багаж и первыми отправились в отель.

Кун Чэн сидел на месте второго пассажира. Он уже был знаком с этим старшим братом, когда тот в прошлый раз приезжал в Хан. Эти двое разговаривали и смеялись, говорили и говорили.

Старший брат водитель выглянул из зеркала заднего вида, посмотрел на Чжоу Цзихэна и улыбнулся:

— Я знаю этого красивого парня, большую звезду, ты очень нравишься моей дочери. О, кстати, меня зовут Ян Фэй, вы можете называть меня Лао Ян.

— Зову тебя Фэй-гэ. — Чжоу Цзихэн дружелюбно улыбнулся.

Фэй-гэ снова посмотрел на Ся Сицина, стоявшего рядом с Чжоу Цзихэном:

— Этот красивый парень совсем белый, он не похож на северянина.

Ся Сицин приподнял уголок рта и слегка приподнял поля кепки:

— Я из Уханя.

Это первый раз, когда Чжоу Цзихэн услышал, как Ся Сицин говорит на диалекте.

В отличие от многих южан, он всегда говорил на стандартном мандаринском диалекте, даже с северным акцентом, из-за чего трудно отличить место его рождения от произношения.

Когда он говорит на диалекте своего родного города, его голос очень низкий. Когда он произносит это, слово «хань» непроизвольно затягивается на долгое время. Оно намного ярче, чем мандаринский. Для Чжоу Цзихэна это звучит круто и мило.

— Произносишь! Неудивительно, что вы местный. – Старший брат также говорил на уханском диалекте. — Я имею в виду, что это очень похоже на наш уханский диалект.

Ся Сицин взглянул на Чжоу Цзихэна, обнаружил, что тот пристально смотрит на него, улыбнулся и тихо спросил:

— Ты понял, что сказал Фэй-гэ?

Чжоу Цзихэн на мгновение опешил:

— А? Хм... Он сказал, что ты хорошо выглядишь.

Что.

Ся Сицин рассмеялся:

— Эй не притворяйся, что понимаешь. – Он намеренно съёжился на сиденье, и поля его кепки отбросили тень под его веки.

Разговаривая и смеясь, Ся Сицин повернул лицо, чтобы посмотреть в окно машины. Высокие офисные здания, синий забор, ожидающий строительства, и эстакада под легкорельсовой дорогой. Знакомый вид улицы был скрыт серым фильтром из-за солнцезащитной плёнки, прикреплённой к окну машины, как в чёрно-белом немом фильме, который смотрели много раз.

Я чувствую себя знакомым каждый раз, когда смотрю на это, но я могу видеть много разных мест.

Чжоу Цзихэн тоже съёжился, как и он, но его длинным ногам некуда было вытянуться, поэтому ему пришлось притвориться, что он случайно дотянулся до ног Ся Сицина, и вставить свою правую ступню между ног Ся Сицина. Он не хотел беспокоить Ся Сицина разговорами, поэтому молча сел рядом с ним.

После того, как машина проехала некоторое время, пейзаж внезапно резко изменился. Здесь всё ещё много зданий, но, кажется, здесь царит атмосфера 1980-х годов. Старый архитектурный дизайн и розово-оранжевые стены, которые вот-вот облупятся, постоянно создают ощущение возраста. На нём висит одно из самых заметных зданий. На нём написано:

— Бренд «Универмаг Дружбы» выполнен древним шрифтом.

Это относится к окружающим зданиям, большим и маленьким, но здесь также есть несколько свежих магазинов, таких как сетевые круглосуточные магазины.

— Он находится близко к реке и не может быть снесён. - Внезапно Ся Сицин сказал. — Сохранилось так много старых зданий из прошлого. На самом деле, раньше этот район был очень процветающим.

— Вон там видно. - Ся Сицин взял на себя инициативу поговорить с ним, и Чжоу Цзихэн был очень счастлив.

Их машине не потребовалось много времени, чтобы въехать на мост через реку Янцзы. Окружающее поле зрения расширилось в одно мгновение. Сверкающая поверхность реки отливала золотом от заходящего солнца, и несколько паромов медленно проплывали, время от времени издавая протяжный гудок, глядя на красные облака, которые горели по всему небу.

Как пожар на реке Янцзы.

Хотя это водный объект, он полностью отличается от водного города Цзяннань. Это большая река и большое озеро, полное горячих и шикарных рек и озёр.

Это хорошая пара для Ся Сицина. Это похоже на нежную воду, и только когда она действительно капнет, она коснётся его живой и раскованной души.

— Такая красивая. - Чжоу Цзихэн искренне вздохнул, он вспомнил известное стихотворение «Сумерки тяжелые и Чу Тянькуо».

Услышав это стихотворение, Ся Сицин мягко улыбнулся:

— Это действительно трудно для тебя, студента-естествоиспытателя.

Кун Чэн и Фэй-гэ продолжали болтать, и Ся Сицин спросил на полпути:

— Режиссёр, где находится конкретное место съёмок?

— Хуанли.

— Хуанли? - Ся Сицин был немного удивлён, но быстро восстановил своё спокойствие. — Тебе будет трудно найти это место.

Кун Чэн рассмеялся:

— Разве не это тоже сказал Сюй Чжуань? Он сказал, что вернулся специально, когда писал сценарий.

— Ах, да, чуть не забыл. - Ся Сицин выглянул в окно. — На самом деле, почти никто из местных жителей Уханя никогда не был в деревне Хуан. Там в основном иностранцы.

— Хм... - Кун Дао повернул голову и посмотрел на Ся Сицина. — Я слышал, что Сицин и Сюй Чжань одноклассники? Тогда вы знаете друг друга много лет.

— Ну, мы учились в одном классе в средней школе. В то время он был очень хорош. Он целый день участвовал в конкурсах эссе и писал хорошие статьи. - Говоря о средней школе, на лице Ся Сицина появилось нежное выражение, — Но в то время он был очень замкнутым и ни с кем не разговаривал.

Как только он заговорил, его схватили за запястье. Ся Сицин удивленно повернул голову и обнаружил, что Чжоу Цзихэн заблокировал их руки рюкзаком. Он хотел вырваться из группы, но Чжоу Цзихэн схватил его до смерти и внезапно сунул палец внутрь, заставляя Ся Сицина сцепиться с ним пальцами.

Ся Сицин сравнил форму его рта во времена династии Цин и спросил его, что он делает.

Чжоу Цзихэн только улыбнулся и ничего не сказал, просто крепко сжал его руку.

Ему нравится, когда Ся Сицин проявляет истинную нежность, но ему нравится эта нежность не из-за него самого.

— Сюй Чжань сейчас не любит разговаривать, но у него очень мягкий характер, с ним очень легко разговаривать и у него хороший характер.

— Да? Хм... Вот кто он такой. - Боясь, что вопрос о том, чтобы держаться за руки, будет нарушен Кун Дао, Ся Сицин даже рассеянно ответил.

Преступник, Чжоу Цзихэн, был счастлив и непринуждён, и он специально сжал его руку:

— А как насчёт тебя?

— Я? - Ся Сицин озадаченно повернул лицо. — Что со мной не так.

— Ты такой же, как сейчас, в старших классах?

Я не знаю почему, Ся Сицин смутно почувствовала, что слова Чжоу Цзихэна пахнут сожалением.

Это всё равно что упустить что-то важное, что вызывает сожаление.

Глаза Чжоу Цзихэна были такими искренними, что он застеснялся. Ся Сицин опустил глаза и небрежно ответил:

— ...почти.

— В это время должно быть много людей, преследующих Сицина. - Кун Дао пошутил с ним. — Если ты так хорошо выглядишь, то, должно быть, находишься на уровне школьной травы.

— Вот именно, таких красивых классов, как Сицин, не так уж много, верно? - Фэй-гэ тоже последовал его примеру.

Об этом действительно невозможно говорить. Ся Сицин почувствовал, как руки сжимают его крепче, и захотел повернуть лицо, чтобы посмотреть на него. Кто знал, что Чжоу Цзихэн упреждающе поднял брови, наклонился близко к лицу Ся Сицина и улыбнулся:

— Да, это выглядит так хорошо.

Его тон был слишком очевиден.

— Тогда что? - Брови Ся Сицин тоже приподнялись.

Взгляд Чжоу Цзихэна был двусмысленным на лице под полями кепки, а две сцепленные руки, которые были скрыты, ладони, которые касались друг друга, были горячими.

— Мне просто любопытно, много ли людей выстроилось в очередь, чтобы преследовать тебя, или ты преследовал много людей? - Голос Чжоу Цзихэна был низким, и слишком много кодов было непреднамеренно разглашено.

Ся Сицин молча улыбнулся, и пальцы, вложенные между его пальцами, мягко постучали по тыльной стороне ладони Чжоу Цзихэна, а затем нежно и медленно потерли выступившие голубые вены на тыльной стороне его ладони пальцами, потирая плоть и кровь, как пламя, которое не погаснет.

Сигаретные окурки, каждый кусочек кожи, который был потёрт, обожжён.

Ся Сицин ответил на его вопрос.

— Мне трудно преследовать.

Он намеренно понизил голос, но не смог подавить легкомысленность подшучивания. Его рот был подобен наполовину сгоревшему пёрышку, трепещущему у сердца Чжоу Цзихэна, отчего кровь людей становилась горячей.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284209>